

M-770y
39845

V.N. Karazin Kharkiv National University

00659100

3

21-270

39845

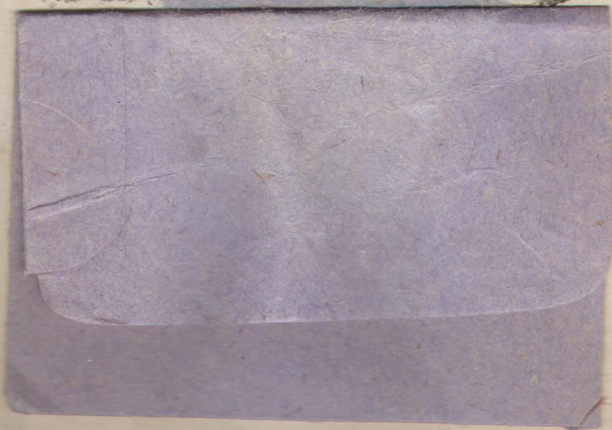
НАРКЕВИЧЪ

ГЕРАШЕНСКІЙ

ВЪЛОДИН

МОСКВА 1832

1578

5p

1578

219.

УКРАИНСКІЯ
МЕЛОДИ.

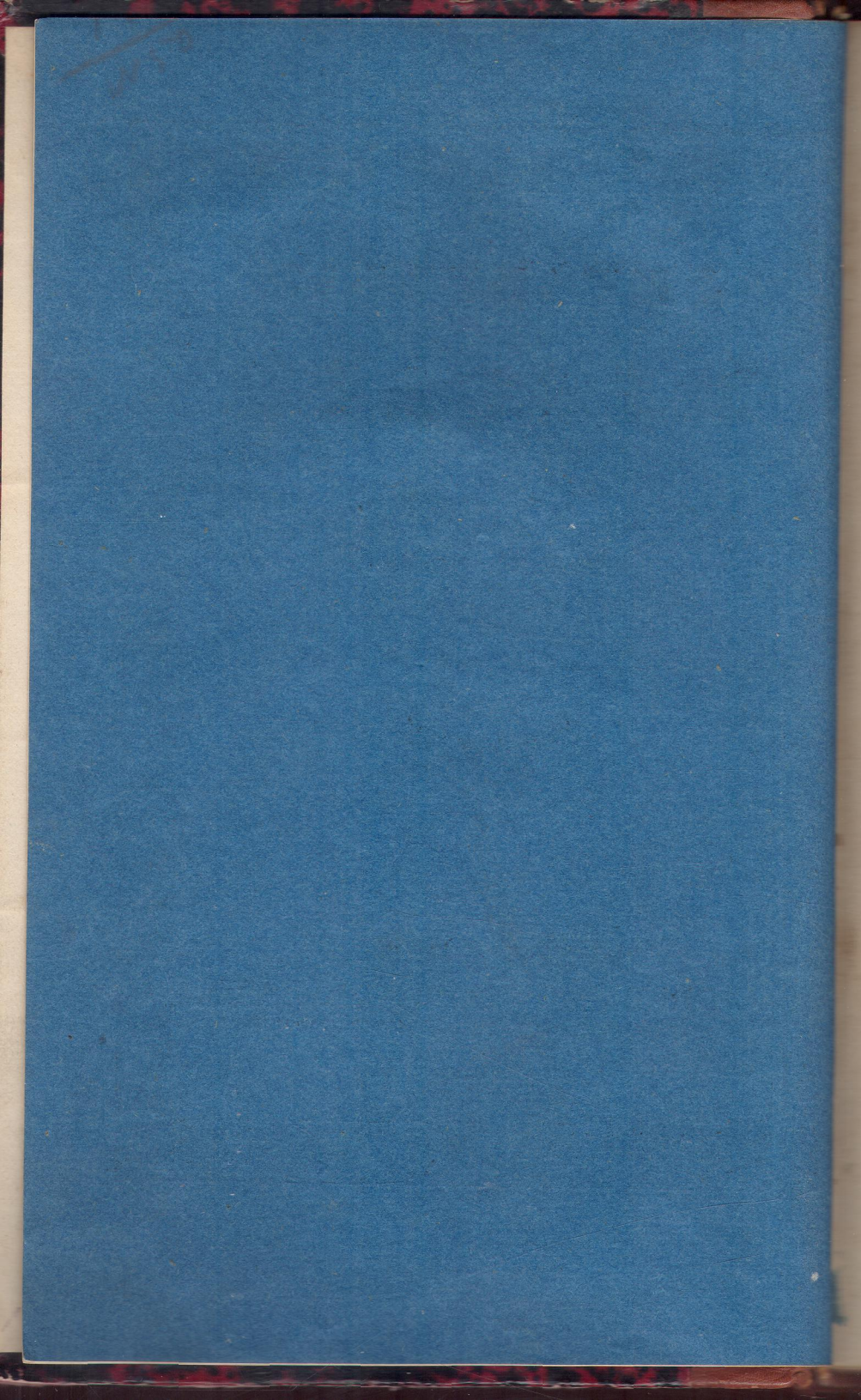
Сочиненіе

Инк. Маркевича.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Мед.-Хирургической Академіи.

1832.

ми *074*

**УКРАЇНСКІЯ
МЕЛОДІИ.**

М 270/4 + III

95

УКРАИНСКІЯ МЕЛОДІИ.

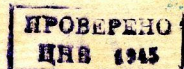
Соч. Ник. Маркевича.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Мед.-Хирургической Академіи.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ шѣмъ , чтобы по оппечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва.
Іюня 27 дня 1830 года.

Ценсоръ *Сергій Глинка.*

При первой возможности Авторъ Мелодій будетъ имѣть честь представить публикѣ четвертую книгу оныхъ, содержащую между другими пьсами двѣ большихъ баллады: *Иванъ да Марья* и *Василёкъ*; при оной книгѣ будутъ примѣчанія особенныя, Малороссійская пѣсня, и сто, а можетъ быть и болѣе, напѣвовъ народныхъ. Цѣна для подписчиковъ по 12 руб. экземпляръ; билеты можно получать вездѣ тамъ, гдѣ продаются Мелодіи; бумага и форма шь ношамъ будетъ одинъ съ текстомъ. Ношы положены для голоса и для фортепьяно самимъ Авторомъ Мелодій.

Созинитель.

ПОСВЯЩАЕТЪ
ОТЦУ И ЖЕНѢ

Созинитель.

Передавая бумагъ поэшическіе обычаи нашей ро-
дины , кому приличнѣе , какъ не вамъ , могъ бы я
посвящать произведенія моего слабаго вдохновенія?
Напѣвы моихъ балладъ и пѣсень вамъ столько же
сколько и мнѣ знакомы ; воспоминанія ваши почти
тѣже что и мои ; приспращіе къ Малороссіи не
меньше моего , и къ тому еще вы во всей Мало-
россіи для меня всего любезнѣе. Примите же даръ
благодарности , вы — ошъ челоуѣка которому дали
жизнь , а шы — ошъ того чью жизнь шы удвоила.

Второй раздел. О значении искусства.

Искусство — это деятельность человека, направленная на создание произведений, которые имеют эстетическую ценность. Оно является одним из важнейших элементов культуры и общества. Искусство помогает человеку выразить свои чувства, мысли и идеи, а также способствует развитию его творческих способностей. Оно является мостом между прошлым и будущим, между разными культурами и народами. Искусство — это то, что делает жизнь человека более интересной и有意义.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ирландскія и Еврейскія мелодіи Томаса Мура и Лорда Байрона подали мнѣ первую мысль, положишь слова Русскія къ прелеспной музыкѣ пѣсенъ Малороссійскихъ.

Но я опдалился опъ того и опъ другаго, взявъ другую цѣль для пѣсней моихъ. Еврейскія мелодіи, изъ кошорыхъ я многія передалъ на нашъ языкъ и въ прошломъ году издалъ, супъ ничто иное кромѣ воспоминанія любви, или похвалы какой нибудь красавицѣ, иногда въ нихъ видна полько философическая мысль, одѣшая въ одежду поэпическаго сравненія, какъ на примѣръ:

Луна! пвоимъ лучамъ равно воспоминанье
О наслажденьяхъ прошлыхъ лѣтъ, и пр.

Лордъ Байронъ бралъ иногда произшесствія описанныя въ Священномъ Писаніи; я помню одну изъ его мелодій въ эпомъ родѣ, переведенную двумя Поэшами на Русской языкъ, подъ названіемъ:
Видѣнье Балтазара.

Мелодіи Мура почши въ томъ же родѣ; различіе между ними произходишь болѣе опъ различія геніевъ Байрона и Мура, нежели опъ различія предметовъ. У перваго и въ мелодіяхъ, какъ во всѣхъ его сочиненіяхъ, видна глубокая печаль и мрачность, никогда съ нимъ не разлучавшаяся; у Ирландскаго Поэта блескъ воображенія несравненно разнообразнѣе; — горестъ Байрона сгущилась въ пучу мрачную, обложившую сердце Поэта; у Мура она производить слезы тихія, которыя родили эту живую, пламенную поэзію, подобную весеннему дождю, идущему изъ мрака облаковъ, но раждающему на небѣ дугу разноцвѣтную, сверкающую и необъятную въ измѣненіяхъ безчисленныхъ красокъ своихъ.

Мелодіи Мура иногда говорятъ намъ о любви, какъ на примѣръ: *Молодой пѣвецъ*. Иногда о винѣ, и ничто иное сушь какъ Оды Вакхическія. Часто о рабствѣ Ирландіи, на примѣръ, мелодія подъ именемъ: *Народная пѣснь*; или воинственное призваніе, какъ: *Пѣснь военная*. Иногда, пакже какъ и у Байрона, цѣль его мелодіи соопишь въ томъ, чтообъ развернуть философическую мысль въ видѣ поэтическомъ, на прим. *Прощанье*. Иногда воспоминанія историческія: *Пѣснь О'Руарка, Арфа Тары, Елена Російская* и проч.

Изъ основанныхъ на предразсудкахъ , я помню шолько двѣ : *Прекрасная Катлинъ* и *Фіоннуала* превращенная въ лебедя. Но и эти двѣ написаны въ томъ же духѣ, какъ и всѣ другія.

Я не хотѣлъ подражать, я не могъ подражать шворцу Лалла-Рукъ или шворцу Чальда-Гарольда. Мицкевичъ никогда не доспигнулъ бы вышины , кошорой доспигли Поэшы Альбіона и Ерина , еслибы вздумалъ идиши рабски по слѣдамъ ихъ, не прокладывая пуши новаго ; онъ избралъ пропу шѣмъ двумъ незнакомую и сошелся съ ними шолько уже подъ самымъ небомъ. Не говорю , чшобъ я надѣялся особымъ пушемъ сойшисъ съ ними шакже, но хочу показашъ, какъ подражанія не далеко заводяшъ. Переводишъ произведенія Великихъ Творцевъ — дѣло прекрасное; подражаешъ имъ — дѣло смѣшное, вѣчно неудачное и доказывающее немощносъ въ большой степени. Карамзинъ , Жуковский, Пушкинъ — они шли своимъ пушемъ, они новыя спези прокладывали , они заслужили славу, какъ большія рѣки заслуживающъ извѣспносъ плавнымъ или бурнымъ теченіемъ въ руслѣ, имъ единспвенно принадлежащемъ. Но чшо случилось съ ихъ подражателями, кошорыхъ шакое безчисленное множесшво ! Они извѣспны шолько неудачами ; и чшобъ довершишъ начашое мною

уподобленіе, они спали подобны заспоявшимся и заплеснѣвшимъ озерамъ, кошорыя, оспаваясь по лугамъ послѣ разліпня рѣкъ, извѣсны своими зловредными испареніями.

Боясь поступишь въ число шаковыхъ озеръ — у насъ въ Россіи и безъ меня ихъ много—я искалъ чего нибудь новаго. *Утопленникъ*, Ал. Пушкина; *Дяды*, Мицкевича; *Erlkönig* и *Fischer Gёте*; *Свѣтлана*, Жуковского; *Иллиритескія пѣсни*, Ипполиша Маглановича, мнѣ подали мысль описать преданія, обычаи, обряды, историческія произшествія, повѣрья, и красоны видовъ Малороссіи въ мѣлкихъ опрывочныхъ пѣсахъ, принаравливая каждую изъ нихъ къ напѣву Малороссійскихъ пѣсенъ. Здѣсь я не боялся бытъ подражателемъ. Я взялъ цѣлю описанія шо, что никѣмъ еще не было описано; и еслибы мнѣ сказали, что я подражаю кому нибудь изъ людей названныхъ мною, я могъ бы опвѣчать: согласенъ; но сколько, сколько они слѣдовали Овидію, описывавшему предразсудки своихъ соошечесшвенниковъ; ибо *Metamorphoseon* Овидія шоже описанье повѣрьевъ въ другой формѣ; *Erlkönig* въ видѣ баллады описанъ; *Цепкъ* и *Гальціона* таже баллада въ опрывкѣ.

И такъ я предпринялъ описаніе въ нравшвенномъ и живописномъ смыслѣ — Малороссіи.

О исполненіи не мнѣ судишь, но предмешъ я

взялъ богатый и достойный руки опынѣйшей, пера болѣе пламеннаго.

Обѣздивъ Малороссію изъ конца въ конецъ не въ одномъ направленіи, споявши съ полками не на одномъ мѣстѣ, родившись въ ней, имѣя въ ней всѣхъ родныхъ, собственность, и наконецъ зная здѣшній языкъ, кажешся, я могъ узнать свое отечество, кошораго проспранство весьма ограничено.

Судя по обычаямъ, одеждѣ и нарѣчію, Малороссію можно называть все проспранство отъ границъ Венгерской Галиціи, включая только Каменецъ-Подольскую и Кіевскую губернію по ту сторону Днѣпра, до границъ Воронежской губерніи, щипая по сую сторону Днѣпра, Полтавскую, Черниговскую и Харьковскую губерніи съ нѣкошорыми мѣстами въ Курской. На югѣ же оканчивается она за порогами Днѣпровскими, гдѣ уже начинались нѣкогда Султанскія владѣнія.

Достойныя примѣчанія по красотѣ видовъ мѣста суть слѣдующія: всѣ мѣста надъ Днѣпромъ, надъ Горнымъ Тикичемъ и надъ Россомъ лежація; особенно Софievка близъ Умани, садъ украшенный рукою Помоцкаго, Антонувка селеніе и мѣстечко Буки въ приддши пяти версахъ отъ Софievки, гдѣ Тикичъ бѣжипъ на большомъ проспранствѣ между каменными горами, образуя без-

численное множество водопадовъ, Стебловка споящая надъ Россомъ, Богуславль гдѣ горы покрышыя зеленью, дикія гранишныя скалы, и рѣка вся въ пѣнѣ соснавялюшъ прелесшную прошивоположностъ, Корсунъ и Бѣлацерковъ оживленные шѣмъ же Россомъ, и Таганча съ своими горами и поспройками.

Большая часнь мѣспъ отъ Кіева и до Канева, особенно же Трахшамировъ, по-надъ Днѣпромъ, и потомъ, минуя всѣ мѣспа лежащія отъ Канева до Екашеринославля, и являющія одни лѣса безконечные или шакія же степи, — Пороги Днѣпровскіе.

По сю сторону — Полшава, всѣ берега Псіола изключая Рѣшепиловку, а именно Ахтырка, Бѣлоцерковка, имѣніе Лирика нашего Капниспа, и многія другія мѣспа, копорыя много бы заняли мѣспа своими именами; потомъ Лубны съ своею Сулою, и проспранспиво отъ Роменъ до Прилукъ, между Удаемъ и Ромнами: все эшо исполнено прелесшью видовъ деревенскихъ, доспойныхъ взгляда пушешеспвенниковъ, копорые любяшъ природу во всемъ ея блескѣ.

Глуховъ съ своимъ округомъ, многія мѣспа надъ Клевенью и Эсманью не менѣе разнообразны игрой воды, земли и расшительной силой; особенно

примѣчательны Полошки изобильные фарфоровой глиной.

Что касается до произведеній здѣшнихъ, если мы бѣдны Царствомъ ископаемыхъ, мы очень богаты Царствомъ прозябаемыхъ.

Наша Флора такъ обширна, что даже Линней удивлялся ей. Украина, говоришь онъ, есть одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Европы, но не привлекала ни путешественниковъ, ни Естественныхъ испытателей, ни Исшориковъ; потому ли что страна мало населенная испугала ихъ, потому ли что имъ мѣшали войны безпрерывныя, или пошому что и въ путешествіяхъ, какъ во всемъ другомъ, слѣдуютъ модѣ. — Они говорили объ Украинѣ мимоходомъ, большею частію списывая древнихъ, которые сами взглядывали на нее только бѣгло или писали по преданіямъ. Не смотря на то, она заслуживаетъ большаго вниманія. (*Шереръ. Томъ I-й, стр. 4*).

Персики, абрикозы, черешни, кашпаны, виноградъ, все даетъ плодъ на землѣ Украинской. Бѣлыя акаціи, кипарисы, всякаго сорта розы, воздушные жасмины, и плашаны, все можешь дать шѣнъ Украинцу, если онъ возьметъ одинъ шолько прудъ: посадишь корень въ землю. Наши шравы удивляютъ Европейца; Шереръ съ воспоргомъ говоришь слѣдующее: вся равнина

изобилуетъ всякаго рода огородными растѣніями; душистые цвѣты, которые съ величайшимъ тщаніемъ обрабатываютъ Европейцы, тамъ растутъ сами по полямъ, и травы такой вышины, что человѣкъ на конѣ легко въ нихъ укрывается (стр. 34 и 5-я. Томъ I-й). Хладнокровіе ко всему нашему, и спросъ къ иноземному, а бытъ можешь и лѣность причиною, что у насъ нѣтъ еще ничего порядочно написаннаго на щепѣ Малороссіи. Но этому удивляться не должно. Труды и открытія Русскія привлекая слишкомъ малое вниманіе Публики, не оплачиваются и могутъ щипаться пошерку времени; ибо у насъ и самыя полезнѣйшія занятія и нововведенія умѣются какъ-то сдѣлать бесполезными. Обидное пренебреженіе къ своему опечесшвенному достигаетъ у насъ даже до смѣшнаго. Не давно мой одинъ знакомецъ открылъ истины Математическія, доселѣ неизвѣстныя и чрезвычайно важныя. Англія и Франція опозвались очень поздно, нѣсколько Англичанъ пріѣхали къ нему въ Россію, чтобы увидѣть его. Русскіе даже не удосвоили оповѣсть его за извѣщеніе.

Ни талантъ, ни спрана не теряютъ ничего изъ красоты своей пренебреженіемъ, происходящимъ отъ лѣности или отъ глупѣйшаго самолюбія. Не-

извѣстная Украина прекрасна, не смодря на то что нѣтъ ее описаній.

Воображеніе и гармонической слухъ Малороссіанъ ошвѣчали землѣ и небу ихъ Отечества.

Сущесшвованіе добраго домоваго и слѣдсшвіе ночныхъ его посѣщеній; толкованье сущесшвованія перелешныхъ и шеряющихся звѣздъ, повѣрья о Русалкахъ по испинѣ навѣвають на душу воздухомъ Элады.

Взгляните на одежду Русалокъ, на зелень спускающуюся съ прелешнаго лица, на легкое бѣлое плашье, лешающее или плывущее за ними; взойдите въ подводную ихъ обилель, займитесь ихъ играми, ихъ хороводами, и ошвергните сходсшво съ вымыслами Греціи, ошвергните игривосшь и красошу воображенія. Въ Малороссіи все оживлено, все имѣетъ даръ слова; въ древнемъ дубѣ шайтся сущесшво не земное, въ оспавленномъ домѣ ешь еще жипели, хошя и невидимые; рѣка ешь обилель сущесшвъ прелешнѣйшихъ; воронъ, филинъ предсказываютъ гореспи, кукушка пророчески изчисляетъ дни наши; овсянка прилешая къ веснѣ, говоритъ жипелю Малороссіи, что онъ долженъ бросить сани, что полозы не будутъ уже прорѣзывать съ шумомъ новаго слѣ-

да по снѣгу. Рыбка слышишь приближеніе весны Украинской и разбиваешь ледъ уже слабой и безсильной удержавъ ее, желая нестерпиво взглянуть, какъ наконецъ на берегу жилища ее молодые ростки зелени показывающся. Сонъ прорава предсказываетъ будущую судьбу. Иванъ да Марья есть ничто иное, кромѣ погибшій красавецъ и по смерти не разлучившійся съ своею красавицею.

Здѣсь все является въ блескѣ Поэзіи. Змѣй устремля глаза свои на солнце, пишается лучами его. Волшебница снимаетъ звѣзды съ неба, и прячетъ какъ камни драгоценные. Пшпца убивая восемь насѣкомыхъ съѣдаетъ девашное; огненной змѣй влюбляется въ нашихъ красавицъ и пощипываетъ ихъ, въ окна домовъ влешая незапно; Египтянка играетъ роль древней Пифіи, вдохновенной Аполлономъ; ушопленники выходятъ со дна рѣчнаго, чшобъ грѣшья на лучахъ мѣсяца; воронные кони скачутъ по двору, предвѣщая смерть хозяину.

Древность и слава великихъ людей Рима и Греціи разливаютъ какое-то величіе на ихъ вымыслы; то, чѣмъ плѣнялись Гомеръ, Пиндаръ, Гезіодъ, не можешь не быть прелестно. Но не могутъ ли пошомки Шиллера или Гёте того же сказать о вымыслахъ сихъ поэтовъ, и не будутъ ли они

сколько же справедливы, сколько и мы въ нашемъ присшрасшіи къ очарованьямъ Элады и Италіи? Еслибы, однакожь, сказали попомки наши, что Гёше вѣрилъ въ лѣснаго царя, и въ явленіе красавицы рыбаку, что Жуковскій вѣрилъ гаданьямъ крещенскихъ вечеровъ, а Пушкинъ пришепсію ушопленника, попомки наши сколько же показали-бъ невѣжесшва, сколько наши современные классики говоря объ богахъ и полубогахъ Греціи и Рима, и называя Овидія идолопоклонникомъ. Вѣра Пиндара, вѣра Овидія, говоримъ мы, и чтоже мы понимаемъ подъ эшими словами? Повѣрья народа просшаго, описанныя сшоль ярко людьми великими и вѣровавшими въ одного Бога. Какъ будшо мы необходимо должны принимашъ за непреложную истину то, что мы въ стихахъ описываемъ. Мы осшавили прелесши древнихъ вымысловъ, мы осшавили Наядъ, Дріадъ, Ларъ и Сильвановъ, говоряшъ съ шоскою покровишели Эллинизма, хопя впрочемъ Эллинизмъ совершенно не думашъ о своихъ покровишеляхъ. Нѣшъ, Господа, мы не осшавили ихъ, мы назвали ихъ нашими опечесшвенными именами; намъ ближе свое, намъ оно понашнѣ, къ шому же оно имѣшъ не менѣ прелестей. Какъ мнѣ, Русскому, жипшю 49-го вѣка, предпочишашъ выборъ изъ обычаевъ, произ-

шествій и повѣрьте Грековъ вѣка Ариспидова, тогда когда я имѣю средство найши сполько же Поэзіи въ современныхъ и ошечесственныхъ обычаяхъ, преданьяхъ и суевѣріяхъ. Первые меня восхищаютъ игривостью воображенія, послѣднія пою же игривостью и что несравненно сильнѣе, воспоминаньями о младенчествѣ, о землѣ, на кошорой я родился, о всемъ что близко для меня. Могу ли я понять всю красоту Древнихъ, если я не понимаю и не вижу неоспоримой красоты современниковъ. Могу ли я видѣть прошедшее, бывшее за двадцать вѣковъ, когда настоящее мимо идетъ и меня не касается. Вотъ мысль, которую поселяютъ о себѣ закоснѣлые въ ложныхъ понятіяхъ о вкусѣ и о любви къ древности, желающіе унижить достоинства талантовъ единокровныхъ. Повѣрю ли я, чтобъ рѣшительные приговоры, и непреклонныя крипики Пушкина, Карамзина, Жуковского, Мицкевича, Байрона и Гёте были свѣдущи и имѣли вкусъ образованной; если же они имѣютъ его, — еще хуже! тогда эти нападенія суть ничто иное, какъ жалкое бѣшенство немощности при видѣ чужаго величія, борьба карликовъ съ великанами.

Какъ не найши красоту въ обычаяхъ Малоросійскихъ, потому кто находитъ, кто отъ сердца

цѣнишь Гомера и всю величественную простоту его.

Обойдемъ круглый годъ въ Малороссіи: сколько пищи для души Поэша; здѣсь все сопровождаемо пѣніемъ, обыкновенными праздниками.

Едва только Маршъ наступилъ и поидеть вода поверхъ льдовъ, и съ горъ покашався ручьи расшопленнаго солнцемъ снѣгу, гдѣ нибудь на пропавшихъ или на возвышеніи холма еще нагого, но показавшагося изъ подъ снѣгу, вы увидите собранье молодыхъ дѣвушекъ, которыя поютъ *Веснянки* въ похвалу къ нимъ приближающейся веснѣ: она борется съ зимою на небѣ, шакъ говорятъ онѣ и вѣрятъ этому, ибо всѣ времена года для нихъ сущесивуютъ въ лицахъ. Но коль скоро весна побѣдитъ *бѣлую гаровницу*, онѣ полною встрѣтятъ ее на улицѣ и спанутъ выкликавъ своихъ красавцевъ пылыми восклицаніями. Ужъ нѣтъ льдовъ, ужъ нѣтъ льдовъ, поютъ красавицы, ужъ не перейдемъ по льду, а если шебѣ мила дѣвица швоя, перейди къ ней въ бродъ черезъ рѣку (смр. 161 *Пѣсни Малоросс.*) Для каждой перемѣны весенней, для новой зелени, для разлива водъ, для лисшьева въ садахъ распуссившихся, для всего есть свои привѣстивія.

Наконецъ игры начинаются, горѣлки, хороводы оживяють улицы Малороссійскихъ деревень; ждуть праздниковъ съ неперѣбѣемъ, тогда-то веселья день за днемъ, пока наконецъ поля и домашнія заботы не приведуть ихъ къ трудамъ. Но вечеромъ въ каждой деревнѣ надъ рѣкой увидишь эти сельскія собранія, эти живыя пляски, копорыя не могутъ не оставить слѣдовъ въ воспоминаніяхъ того, кто любилъ просишу и природу во всей силѣ ея, и никакимъ искусствомъ неукрашенную.

Придетъ ли Троицынъ день? Въѣхавъ деревню въ входа въ каждую избу пославлены, помосить усыпанъ зеленью, образа убраны лисьями, но ужъ никто одинокимъ не выйдетъ на поле. Тамъ рожь колосится, тамъ васильки цвѣтутъ, но тамъ красавицы Русалки. Если же выйдутъ гулять за село дѣвушки, то ихъ шакъ много, что имъ побоишься явиться Русалка; они начнутъ вить вѣнки, и пѣть пѣсни Троицкія: мы заведемъ вѣнки на всѣ свяшки, на всѣ свяшки, на всѣ праздники. (см. 463 стр. Пѣс. Малорос.)

Когда-же настанетъ Ивановъ день и запоютъ купаловыя пѣсни, тогда выйдетъ цѣлый строй молодыхъ людей; можно думать, что они готовятся къ бивѣ; спрутъ желѣза, пѣсни о спари-

нѣ, преніе мешалла обѣ почили; одежды однообразны, и по справедливости наши казаки и поселяне собираются на *косовицу* какъ бы въ походъ; они идутъ спросомъ, за ними плынутся пѣлеги съ скрипомъ, нагруженные съѣсными запасами, ибо до окончанья дѣла они уже въ деревню не возвращаются. Они проводятъ ночи на голой землѣ, у холма, окруженные своими быками и конями, обгородившись пѣлегами, они зажигаютъ огни, и на шрехъ палкахъ повѣсивъ казаны, варятъ себѣ кашу и осушаютъ чару круговую. Но съ первымъ разсвѣтомъ вы видите снова рядъ народа идущаго вкось по полю, сверкающаго оспрыми косами, между пѣмъ какъ высокая права въ одно мгновеніе повсюду упадаетъ на землю. Если же иногда бываетъ чье поле нескошенное, не недоспашокъ шрудолубія шому причиною; нѣмъ, дѣвушки наши поютъ: — Чей ленъ, чей ленъ не выполотъ? Ленъ Маши не выполотъ, шо за симъ, шо за пѣмъ, . . . а чья сѣножатъ да не кошеная? Сѣножатъ Григорья да не кошеная, шо за симъ шо за пѣмъ. . . (167. *Пѣсни Малорос.*).

Если же спанутъ пѣшь: Закашилось солнышко за виноградной садъ (спр. 170. шамъ-же), эшо признакъ жашвы; тогда-шо поле оживляется, дѣвушки, юноши, хозяева, хозяйки, дѣши, весь народъ высыплешъ; во ржи между волнующимися

колосьями, вы увидите повозки, разноцѣпныя одежды, снопы по полю раскиданные, нагруженные народнымъ богашствомъ шелѣги едва выдерживая бремя изобилія, медленно шянущся въ деревню, и на вершинѣ ихъ мальчикъ или дѣвочка лежа играетъ молодою рожью. Одни шарики и спарушки оспаюцца у печки, пригопшляя обѣдъ и ужинъ для работниковъ. Они ждущъ, что жашва кончшся; тогда село сплешетъ вѣнокъ изъ жиша опобраннаго и съ пѣснями и съ праздноствомъ принесетъ его въ храмъ Божій, съ медомъ богатыхъ пчѣлъ Украинскихъ и съ первороднымъ плодомъ грушъ и яблонъ Спасовскихъ.

Лень ли берутъ, осень ли приходишь, на все у Малороссійанъ пѣсни; но когда придущъ свѣтъ, шущъ начнущся гаданья, ворожба, сборища до свѣту отъ полуночи, веселія *вечерницы*. Туда посшущшся иногда приходской дѣячокъ, съ своею пѣвческою, принесущъ съ собою театръ походной. Соберущся дѣвушки, молодые кресшьяне, дѣши, старики, всѣ шопрящъ съ любопытствомъ, какъ въ богатомъ *вертепѣ* Царь Иродъ сидя на престолѣ, повелѣваетъ убіеніе дѣшей Виолеемскихъ, какъ Восшочные Цари идущъ къ новорожденному Сасишелю на поклоненіе, какъ къ Ироду приходишь смершь и шощъ упадетъ подъ ее косою; представленіе оканчивается дракою

Запорожца съ смертію, побіеніємъ и бѣгствомъ послѣдней, уничиженіемъ чорша предъ Запорожцемъ, и пѣніемъ, въ кошоромъ содержашель театра изъясняешъ свою крайность въ денежныхъ обешояшельствахъ.

Или мальчишки у окна появляюся съ бумажнымъ фонаремъ въ видѣ полного мѣсяца; мѣсяцъ верпишся и хоръ поешъ, *колядуеъ*, припѣвая за каждымъ стихомъ: *Святый вечеръ!*

Шолъ, перешолъ мѣсяцъ по небу! Вспрѣшил-ся мѣсяцъ съ ясной звѣздой: звѣздочка, звѣздочка! гдѣшы была, гдѣ была?— у Бога? Гдѣ оспановишся?— Гдѣ спану? у Пана Ивана, у Пана Ивана, въ его дворѣ, въ его избѣ! у него въ домѣ двѣ радости есть; первая радость: сына женишь; вшорая радость: дочь выдавашъ. Будь же здоровъ онъ, не самъ съ собой, съ опцомъ и съ машерью! Дадимъ поздравленье съ свяшымъ Рождесшвомъ. (стр. 174. тамъ-же).

Передъ Новымъ годомъ *щедровки* поюшъ, по упру на полъ мальчишки сыплюшъ зерно съ пѣснями посыпальными: въ день Василѣя (*) ходишъ Илѣя, носишъ въ рукахъ плѣшъ изо ржи; гдѣ

(*) Сяятаго Василѣя праздникъ бываетъ 1 Января.

замахнешь—жино раснешь; Богъ да пошли вамъ
рожь и пшеницу, въ полѣ зерно, въ домѣ добро,
(стр. 180. 76)

Праздники наши показываютъ ясно изобиліе
земли Украинской. Взгляните на канунъ Рожде-
ства, Нового года и Крещенья на горшки полные
плодовъ садовыхъ, на *кутью и узварь* такъ на-
зываемый; взгляните на сполы вокругъ церкви
пославленные, на ковры вокругъ нее разосланные,
на масло, на молоко, на сыръ, которыми ушав-
лены свящые хлѣбы во время Христова Воскре-
сенья.

Госпепрімсво здѣсь еще осалось въ вы-
сокой степени. Взойдите въ избу, когда сосѣдъ
сосѣда угощаетъ, когда полкуютъ они о своихъ
надобностяхъ. Въ Украинѣ съ дороги вы не
собьешесь, каждой кресьянинъ вамъ радъ, все
вамъ за даромъ въ домѣ его. Онъ укажетъ вамъ
пушъ вашъ, онъ самъ готовъ васъ по просьбѣ
вашей веси до ближняго селенья, какое-бъ раз-
стоянье ни было.

Если сполько мы находимъ поэзіи въ Гомери-
ческой престошѣ Малороссійскихъ обычаевъ, ее
не менѣ въ спранности повѣрѣетъ народныхъ.

Бандуристъ, спарикъ, играя по спрунамъ ко-
шорыхъ онъ не видитъ, какъ Ошець Поэзіи,
поешъ о необыкновенныхъ случаяхъ на землѣ

Украинской. Вдохновеннымъ пѣснямъ его внимаешь очарованный и опъ рожденья музыкальный слухъ Малороссіянина; для него бандуристъ есть лице священное, ибо бандуристъ поетъ ему. Онъ не возьмешь на себя дерзоспи сказать вдохновенному въ то время, какъ пѣніе его шакъ сладко: стой, выборъ швой дурень! мнѣ спой ты былъ о Хмельницкомъ. Наши пѣвцы поютъ слушателямъ не знающимъ классическихъ приди-рокъ; Малороссіянинъ всегда отвѣчалъ бы бандуристу словами Рудольфа:

Nicht gebieten werd' ich dem Sänger, spricht

Der Herrscher mit lächelndem Munde;

Er steht in des größeren Herren Pflicht,

Er gehorcht der gebietenden Stunde:

Wie in den Lüften der Sturmwind faust, —

Man weiß nicht, von wannen er kommt und braust,

Wie der Quell aus verborgenen Tiefen,

So des Sängers Lied aus dem Innern schallt,

Und wecket der dunkeln Gefühle Gwalt,

Die im Herzen wunderbar schliefen (*).

(SCHILLER. Толѣ 6, II Часть, стр. 174, Карлсру).

(*) Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой,

Пѣвцу отвѣчаетъ власшитель,

Онъ высшую силу призналъ надъ собой:

Минуша ему повелитель.

Пѣвецъ поешъ о герояхъ древности, о старикахъ минувшихъ, о времени лучшемъ, о превращеніи Ивана и Марьи, о превращеніяхъ другихъ цвѣтовъ его опечесивенныхъ полей. Какъ проси, но какъ возвышены его напѣвы!

Выслушайте слова козака въ его усахъ: мать прогоняешъ сына; сеспра въ слезахъ спрашиваетъ, когда онъ возвратишся? Сынъ въ глубокой горести, но одинаково гордый, говоритъ сеспрѣ своей: возьми горсть песку, постѣй его на камнѣ, на зарѣ приходи къ нему, поливай его слезами, — я возвращусь, когда песокъ взойдетъ. — Машери спало жалъ сына своего. Возвратишся домой, она говоритъ ему, дай смышь, расчесашъ, высушишъ швои чорныя волосы. — Меня вымоюшъ дожди, расчесуюшъ гусныя тѣрны, высушутъ буйныя вѣшры—былъ опвѣшъ его. Скоро послѣ того вѣспникъ говоритъ его машери, что кукушка лешала съ крикомъ надъ нимъ, что

По воздуху вихорь свободно шумишъ :
Кто знаетъ откуда, куда онъ лемишъ ?

Изъ бездны попокъ выбѣгаетъ :
Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина!

И темное чувство, изъ дивнаго сна

При звукахъ воспрянувъ пылаешъ.

(Жуковск. Томъ III, Графъ Габсбургскій, изд. 1824 года).

коні ржали его везучи, чпо колеса скрипѣли
капая подѣ нимѣ. (*Малорос. Пѣсни, стр. 6 и 7*).

Замѣтайше любовь спарика къ родинѣ, когда
онѣ вкладываетъ слова слѣдующія въ уста мо-
лодому юношѣ на войну идущему : ибо какъ шяж-
ко рыбѣ живѣ на безводѣ, такъ шяжко живѣ
въ чужбинѣ и безродному (*стр. 23*).

Смушно, говоришѣ пѣвецъ, съ опцовскаго дво-
ра козакъ выѣзжалъ, на концѣ села долго стояли
они на курганѣ, долго провожали его глазами,
а еще долѣе дома по немѣ плакали (*тамъ-же*).

Послушайше мужа оплакивающаго жену свою :
биспрыя ноги ! зачѣмъ вы не ходите ? Бѣлыя мои
руки ! зачѣмъ вы не работае ? Очи мои ясныя !
чпо вы не взглянете ? Уста мои сладкія ! чпо
вы ко мнѣ не заговорите ? Ноги биспрыя — вы
ужъ находилися ! Руки мои бѣлыя — вы ужъ на-
работали ! — очи мои ясныя — вы ужъ наглядѣлись !
уста мои сладкія — вы наговорились ! (*стр. 44*).

Вопѣ истинная Поэзія, за то ее вполне чув-
ствуютъ. Но если на случай въ село изъ Липвы
мѣльникъ явился ; пославши онѣ мѣльницу на
краю села ; видѣ крылевѣ ея, когда она ими раз-
махиваетъ, спукъ жернововѣ, визгъ песку меж-
ду камнями, движеніе всего окружающаго, изо-
биліе муки мгновенно исчезающей, пыль на бо-

родѣ и на усахъ, забошы его, и близость кладбища опѣ мѣльницы, все являешъ въ немъ колдуна, кошорой ворожишъ, морочишъ, съ духами знаешся; — шупѣ бандуристѣ кладешъ бандуру свою, и идешъ къ мѣльнику, чшобѣ поколдовалъ ему и козакамъ его.

Вѣ чорной сажѣ кузнецъ и въ кожаной обгорѣлой запонѣ, не менѣе колдунъ, когда огромнымъ молопомъ спучишъ по наковальнѣ, шакъ, чшо все вокругъ подпрыгиваетъ; когда изъ подѣ молоша являешся коса блестящая и серпъ съ своими зазубринами.

Но цыганка опаснѣе всѣхъ: полунагая, солнцемъ обожженная, съ волосами всклокоченными, кочующая, въ шашрахъ живущая, она злымъ взглядомъ можетъ погубишъ, она зельемъ недугъ прогонишъ, она словомъ его наженешъ, и шолько взглянешъ намъ на руку, всю судьбу ошкроешъ.

Такъ! если повѣрѣя Украйны Поэтическія; если очевидно сходство ихъ съ древними мифологическими преданіями, шо почему-же намъ не взяшъ ихъ цѣлью сшихошворныхъ нашихъ описаній? Различіе естѣ одно: оно производишъ опѣ различія основаній — кошорыя суть Христіанство и идолопоклонство; но чшо для идолопоклонника было написано, шо не все понятно Христіанину. Мы постараемся въ большемъ свѣшѣ

показати эту истину для того, чтобы она же намъ показала различіе Классицизма и Романтизма, чтобы она открыла намъ, какого рода Поэзія можетъ болѣе нравиться нашимъ современникамъ, какого рода Поэзія для насъ приличнѣе; ибо нѣтъ сомнѣнія, что будучи главной пружиной всѣхъ дѣйствій, и даже мыслей нашихъ, Вѣра одинаково дѣйствуетъ и на Поэзію, и на скульптуру, и на живопись.

Здѣсь же, утверждая, что намъ ближе предметы отечественные и современные, что они понятнѣе для нашихъ читателей, я показати хочу, какъ они преисполнены поэзіи.

Исторія наша (здѣсь я могъ бы еще сказать и о Великой Россіи) много представляетъ прелестей для истиннаго дарованія. Мы видѣли повѣрья, обычаи и природу Украинскую; взглянемъ на страницы исполненныхъ воспоминаній о великихъ подвигахъ предковъ нашихъ.

Теодоръ Богданъ, прошедшій съ 30,000 козаковъ до Синопа, до Трапезунта, спавшій у врагъ Константинополя, и рукой вооруженной взявшій дань съ Музульмановъ, споимъ хотя какого либо воспоминанія потомковъ, одаренныхъ свыше вдохновеніемъ. Подкова, который былъ причиной столь сильныхъ жалобъ Султана,

и *Шяхъ*, славный набѣгами на спраны принадлежавшія пошомкамъ Магомеша, основавшій жилище свое въ завоеванныхъ имъ Яссахъ, не сходны ли съ древними рыцарями идущими съ крестомъ на плечѣ прошиву невѣрныхъ? Наслѣдникъ *Скалозуба*, благородный *Косинскій*, споявшій за честь своей вѣры и опечесшва, храбрый, но погибшій за родину и за вѣру, не уже-ли достоинъ забвенія? Не уже-ли выборъ Поэта, если онъ пропоетъ въ честь его памяти одинъ стихъ ошъ чувства благодарности, — достоинъ порицанія? *Наливайко* погибшій споль страшною смертію, но славный сожженіемъ Слуцка и Могилева; товарищи погибли его *Лобода* и *Мазепа*; *Петръ Конашевичъ Сагайдачный*, эшотъ храбрый вождь козаковъ, кошорый споялъ подъ Москвою, кошорого товарищемъ былъ спрахъ олицетворенной, кошорого ошашки еще не изгладились въ памяти народной, кошорого слѣды ошались еще подъ именемъ: *пути Сагайдачнаго*, не ужели не дадутъ вдохновенія?

Но *Зиновій Хмельницкій*, самимъ народомъ нареченный *посланникомъ отъ Бога*, *Богомъ даннымъ*, народомъ кошорого голосъ ешъ гласъ Божій по общему сознанію; *Хмельницкій* одинъ являетъ обширное поле для славы Поэта.

Въ дѣшпвѣ еще плѣнникъ Турецкой, попомъ слуга Ташарина Яра, наконецъ онъ выкупленъ Королемъ Польскимъ и возвращается въ опечесиво. Князь Оспрожскій и Король Шведскій вступають съ мнѣніями прошивъ угнѣшеній козакамъ. Ихъ представленія оспаются щещными; судьба свыше назначила, чшобъ козаки были подавлены власпію Ляховъ, и одинъ шолько Богданъ можешъ бышъ избавишелемъ Украйны отъ шираншва власшлюбивыхъ и полудикихъ варваровъ. Напрасно *Павлюкъ* ведешъ Малороссіянъ прошивъ угнѣшающаго ихъ Поляка Конецпольскаго. Время славы Хмельницкаго не насшигло еще и Павлюкъ казнешъ въ Варшавѣ на площади. *Оспраница* избранъ козаками на мѣшо Павлюка; храбрый заццишникъ вѣры своихъ соошечесшвенниковъ, Оспраница имѣлъ шуже учашъ что и его предшесшвенникъ: спраницы Ишпоріи окровавлены его именешъ; привѣшленные на гвоздяхъ, чешвершованные, колесованные ошцы и машери, дѣши сожигаемые на желѣзныхъ рѣшоткахъ, или разбиваемые о зданія, церковь ограбленная и осрамленная Поляками, являлись очамъ Хмельницкаго; но время не приспѣвало еще и Богданъ шайлъ въ сердцѣ искру великаго пожара, изгошоваемаго въ опшщеше Полякамъ.

Конецпольскій спроилъ крѣпость у порошовъ

Дѣйра; Хмельницькій прїѣхаль посмошрѣнь на рабошы. Какова кажепса шебѣ посройка? спросилъ Конецпольскій. Богданъ, скрывавшій любимую свою надежду, оповѣчалъ: « Я не видалъ еще произведенія руки человѣческой, котораго-бъ не могла разрушитъ рука человѣческая. » — Въ то время Богданъ получилъ въ даръ село Субботово, близъ Чигрина, ошкуда и шеперь видна церковь Гешманская. Чигринскій подстароста *Чаплинскій* наложилъ руку на то, что естъ въ мїрѣ священнѣйшаго для человѣка: на собственность. « Козакъ не можешъ бытъ владѣльцемъ земли, сказалъ онъ Хмельницкому. » — « Мать козаковъ жива еще; ты не все опнялъ у меня; пока у насъ естъ сабли, мы не безъ надежды. » — Таковъ былъ опвѣтъ; его заключили въ шемницу, опнявъ его изъ рукъ сыновнихъ. Здѣсь началась слава его.

Прельщенная умомъ, благородшвомъ и лицомъ плѣнника, жена Чаплинскаго выводилъ его ночью; они спасаюся въ Сѣчу, испребляюшъ Ляховъ, соединяюся съ Донцами, вступаюшъ въ бой съ Попоцкимъ и Барабашемъ; вожди враговъ легли на мѣстѣ, и Гешманъ побѣдитель; услыжавъ о смерти сына, опецъ Попоцкаго съ Калиновскимъ пошелъ прошиву Хмельницкаго, но былъ разбишъ, и взяшъ въ плѣнъ Гешманомъ; *Кривоносъ* и *Останъ* испребляли Поляковъ во всѣхъ городахъ Украйны,

Львовъ и Замостье были взяты козаками. Богданъ явился въ Кіевъ во блескѣ, для того чшобъ въ Лаврѣ принести благодареніе Богу за успѣхи. Взгляните на любовь сына Гешманскаго Тимофея къ Принѣдочери Липулы, Господаря Молдавскаго; гордой Молдаванинъ отказываетъ жениху и запрещаетъ невѣстѣ думать о козакѣ своемъ. Но Хмельницкій посылаетъ 46,000 козаковъ съ *Дорошенкомъ* и *Носага* съ пушками. Господарь взявъ въ плѣнъ, даетъ кучи золота, чшобъ изъ плѣну выкупиться, и благословляетъ дочь свою на супружество съ Тимофеемъ. Если Береспечи были свидѣтелями неудачи Хмельницкаго, какъ величественно эпошъ геній изсребительный для Поляковъ опомспилъ имъ въ скоромъ времени! *Полуботокъ*, *Войнаровскій*, *Палій*, *Мазепа* не менѣе достойны воспоминаній поэта.

Если спанешъ на то силъ моихъ и времени, бытъ можете, я рѣшусь принести моимъ соотечественникамъ, и землѣ кормившей нѣкогда нашихъ пращцовъ, а нынѣ хранящей оспашки ихъ — подробное описаніе красотъ историческихъ, прелесней природы, обычаевъ, обрядовъ, одеждъ, древняго правленія Малороссійскаго. Пріятно было бъ вспомнить, каковъ былъ Батурынъ, Чигиринъ или Глуховъ во времена предковъ нашихъ, каковы были нравы, языкъ; пріятно

предсавившъ себѣ опечеснво въ дни его пропекшіе. Увѣренъ будучи, что недосашки моего сочиненія будушъ извиняемы за цѣль, копорую имѣлъ я въ своихъ начинаніяхъ, я съ большею рѣшимостью предсавлю тогда мой прудъ на судъ просвѣщенныхъ писателей.

Для истинныхъ любителей Русскаго слова не менѣе пріятно было бы узнать нарѣчіе Малороссійское, какъ опъ одного корня происпекающее, шѣмъ болѣе что въ немъ находяшся слова, для Русскихъ шеперь уже хошя и не поняшныя, но нѣкогда и имъ какъ намъ принадлежавшія. Кроме того что нѣкошорыя изъ нихъ показали бы корень многихъ словъ Великороссійскихъ, многія исполнены гармоніи, силы, полношы значенія, и Поэзіи, они бы могли заняшъ, какъ уже и случилось съ иными, мѣшо въ Словарѣ и по сходству звуковъ, и по сродству. Я приведу въ примѣръ слѣдующія выраженія: *жениться на зеленской*, значишъ умерешъ на веснѣ, *жечиться на бѣленской*, умерешъ зимою; *великъ-день* значишъ Христова Воскресенье; *веселье*—свадьба. Эши слова, подобныхъ имъ много ешъ, ничѣмъ не хуже бурьяна, хашы и раздобаръ, кошорыя снискали пошерянное право гражданства въ Русскомъ языкѣ.

Что касается до музыки Украинскихъ пѣсень, красота ея признана во всей Европѣ и всѣми

любителами. Объ ней упоминашь здѣсь нечего.

Таковыя причины побудили меня къ предпріятію, которое я въ половинѣ исполняю изданіемъ своихъ Украинскихъ Мелодій. Предаю ихъ на судъ просвѣщенныхъ читателей, и смиренно ожидаю приговора отъ классицизма, не пугаясь однакожъ, еслибы подѣ часть

... Возчиму старому,
Брюзгливцу суровому,
Классику и вздумалось
Музу переучивать,
Пугать укоризнами
И мучить уроками.

УКРАЙНСКІЯ

МЕЛОДІИ.

Ник. Маркевича.

КНИГА I.

THE NEW YORK

LIBRARY

OF THE CITY OF NEW YORK

FOUNDED 1784

СОНЪ-ТРАВА.

Вечеромъ собрайтесь дѣвы
Слушашъ пѣснь мою ;
Подъ родимые напѣвы
Что-то вамъ спою :
Въ рощѣ темной и дубовой ,
Каждый годъ , съ весною новой ,
Сонъ-трава цвѣтешъ
Краской темпоголубою ;
Все узнаешъ , кто съ зарёю
Первый цвѣтъ сорвешъ.

Выйдутъ юноши толпами
Ни заря ни свѣтъ ;
Соберутся подъ дубами
И срывающъ цвѣтъ ;
Въ ключевую спавяшъ воду ,
И какъ ночь пройдеши по своду ,
Какъ взойдеши луна , —
Подъ подушку набросающъ ,
И со страхомъ засыпающъ ,
Дожидаясь сна.

Чшо-шо эштошь сонъ имъ скажешь ?

Правду скажешь сонъ ;

Щастье-ль, горе-ль онъ укажешь ?

Вѣщій будешь онъ.

Вотъ — о полночь . . . вдругъ двѣца ,

Станъ какъ шополь , круглолица ,

Въ зодошомъ вѣнцѣ ,

Въ свѣшлый Божій храмъ , къ надою

Станешь звать насъ за собою ,

Спою на крыльцѣ.

Чшо-жь , какъ насъ не та невѣста

Постышишь какъ разъ ?

Гдѣ былъ рошъ — пустое мѣсто ,

Дыры — вмѣсто глазъ ,

На главѣ у ней корона ,

Въ костяныхъ рукахъ икона

Съ восковымъ крестомъ ,

Назади пылають свѣчи ,

Саванъ покрываетъ плечи

И попы кругомъ.

Нѣтъ ! не бойшесь ! гостья эша

Не разбудить васъ ,

Не придетъ съ того къ вамъ свѣта

Въ полуночный часъ.

Но въ козацкія жилища

Изъ Гешманскаго кладбища

Придушъ козаки ;
Дорогіе будутъ госпи ,
Какъ размешанные коспи
Сдвинутся въ полки.

Лицы синія отъ муки,
Шеи подъ пешлѣй ,
И опорванные руки
Принесутъ съ собой ,
Груды язеами покрышы ,
Коспи пышкой перебишы ,
Цѣпи по ногамъ ;
Придушъ , загремѣшь цѣпами
И голодными усами
Что-то скажутъ вамъ.

В Ъ Д Ъ М А.

Чего собрались, поселанки младыя?
Бандуру-ль вы любите, пѣсни-ль родныя?
Ошъ каждой пѣвцу поцѣлуй, и онъ радъ:
Другихъ ошъ красавицъ не нужно награды.
Я пѣсню спою вамъ про вѣдьму. Внимайте!
А вы, козаки, — вы готовьте вина;
Засохнешъ ли грудь у пѣвца, доливайте,
Чтобъ въ чаркѣ моей не увидѣлъ я дна.

Кіевъ надъ Днѣпромъ стоишь,
Онъ горитъ церквей соборомъ;
Днѣпръ и день и ночь кипитъ,
Онъ все споритъ съ темнымъ боромъ;
Но объ чемъ-же? Чшо глядишь
Въ волны лѣсъ угрюмымъ взоромъ;
И съ досады, чшо долой
Бора душнаго не смоешь, —
На веснѣ, запѣнясь, роешь
Онъ громаду горъ волной.

Туда-то собираются, съ каждой весною,
На Лысую гору вѣдьмы полною,

Идушь изъ Прилукъ, изъ Ромна, изъ Лубёнъ,
 Все въ Кіевъ, да въ Кіевъ, изъ дальнихъ споронъ.
 Тутъ старшія вѣдьмы совѣтъ собираютьъ,
 И чудо въ то время свершается шамъ:
 Песчаную гору онъ защищаютьъ,
 И гонятъ отъ берега волны къ волнамъ.

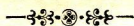
Гоняшь буйную рѣку,
 Разливаясь не пускаютьъ,
 Сѣють воду какъ муку,
 Пѣну мѣшалами смешаютьъ,
 И разъѣздясь по песку,
 Всю праву съ горы спираютьъ;
 Волокутъ свои хвосты,
 Ищутъ ширличь, плашьемъ машутъ,
 Воютъ, свищутъ, скачутъ, пляшутъ
 И мячашъ какъ кошы.

Такъ три ночи вѣдьмы собираются злыя;
 И послѣ, убравшись въ селенья родныя,
 То въ трубы крестьянскихъ прокрадутся хашъ,
 То до крови бѣдныхъ коровъ задояшъ;
 То пушниковъ вечеромъ сводяшъ съ дороги,
 Огнемъ надъ болошомъ сверкая порой;
 То чорною кошкой кидаются въ ноги,
 И льются безбрежной предъ нами волной.

Чшо-жь за шо на свѣтѣ зѣй,
Какъ ужъ вѣдма издыхаетъ !
Смѣхъ уста покривишь ей,
То хохочетъ, шо рыдаетъ,
Ноги корчишь до плечей,
Руки судоргой ломаешь,
Въ горлѣ клокошь , кровь шечешь
Вскипяченою смолою,
И кто сжалился, надъ злою
Перекладину сорвешь.

ПРИМѢТЫ СМЕРТИ.

Нѣтъ, козакъ; нѣтъ, козакъ !

Мало живъ тебѣ !

Загляни-ка на чердакъ :

Кто сидишь въ шрубѣ ?

Ужъ не вѣдьмалъ въ ней морочишь ,

И въ каминъ ворчишь ?

Дяшель въ хашѣ спѣны почишь

И углы долбишь.

И къ окну, до свѣчи,

Съ колокольни прочь,

Совы, филины, сычи

Прилешаюшь въ ночь.

Хлопаюшь глазами важно,

Грудью спеклы быюшь,

И про смерть тебѣ просяжно

Пѣсенку поюшь.

Да, козакъ; да, козакъ!

Не бываешь добру!

Стая собралась собакъ

Къ своему двору;

Передъ дверью роюшъ нору,
 Подымаюшъ вой;
 На конѣ, въ ночную пору,
 Ъздитъ домовой.

Конь не ѣстъ; клѣшь грызётъ,
 Въ пѣтѣ вся обротъ,
 Уши на спину кладётъ,
 И до мычекъ вплошь
 Весь онъ въ мытѣ, морда пышетъ,
 Снонеть и дрожитъ,
 Очи красны, паромъ дышетъ,
 Ноздри вздувъ хранишь.

Ну, попа кличь скорѣй,
 Да скорѣй молись;
 Кличь сосѣдей и дѣшей,
 И разпорядись;
 Тошъ возьмешь избу, тошъ поле,
 Все имъ раздѣли;
 А тебѣ что нужно болѣ?
 Три шага земли.

ПЛАТКИ НА КОЗАЧЬИХЪ КРЕСТАХЪ.

Тамъ гдѣ сномъ убишымъ спяшъ

Наши козаки,
На крестахъ у нихъ висяшъ

Съ каймами плашки;
Дубъ подгниль, полѣвка стоя;
Принесется-ль въшерь воя:

Вольно зашумишь,
Въ шканъ упрямо, буйно дышешь,
Крестъ разшатаной колышешь
И объ гробъ стучишь.

Да!... Бывало мы враговъ

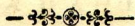
Гонимъ на степяхъ,
Какъ Подкова средь полковъ
Мчался на коняхъ.

Весело тогда намъ было,
Сердце лишь войною жило;
Что-жъ теперь, козакъ?

Каждый помыкаетъ нами...
Въшерь на крестахъ плашками
Машешь точно-жъ шакъ.

ПРИМѢТЫ ПО КОНЮ.

Когда конь захрапѣтъ, встрепетъся,
У ворошъ съ сѣдокомъ спотыкнется,
Спустишь невѣрной ногою,
Бросишь испуганный взглядъ :
Ты разминешься съ бѣдою,
Только ворочай назадъ.

А какъ конь швой играетъ и пляшетъ,
Удилами и гривой машетъ,
Пѣной покроешь ли сбрую,
Ржашъ и копытами грешъ
Станешь ли землю сырую :
Щастье вамъ, щастье вамъ есть.

И повѣсишь ли голову смушно,
И вздыхаешь ли онъ поминутно,
Пяшишься-ль въ страхъ ошъ поля,
Будшо увидя призракъ :
Плохо, недобрая доля !
Лучше ворочай, козакъ.

Я къ дѣвицѣ ѣхалъ не гордой .
Конь почувъ ; какъ закрушитъ онъ мордой ,
Уши прядушъ , какъ изъ горна
Паръ въ два столба изъ ноздрей :
Ѣдемъ ! проворно , проворно !
Славно намъ будешъ у ней .

ЧАРОВНИЦА.

Уже народъ уснулъ давно ,
Въ шуманѣ лѣсъ , въ поляхъ темно ;
Мерцаньемъ слабымъ храмъ покрывъ ,
И стеклы въ окнахъ озаривъ ,
Промежду облаковъ , одна ,
Гуляетъ на небѣ луна.

Съ полуотрѣзанной косой ,
Въ дубраву , тайно , той порой
Выходитъ дѣва изъ села ,
Тяжелый заступъ принесла ,
Вдоль надъ Сулою пошла бродить ,
И корни зельевъ сжала рышь.

Связала пукъ волшебныхъ правъ ,
И духовъ всѣхъ къ себѣ созвавъ ,
Вошь чернокнижныя слова
Произнесла , — и вдругъ сова
Проснувшись сжала вышь въ дуплѣ ,
Явилась жаба на землѣ.

Та жаба въ очи ей глядишь ,
 И крикомъ гадъ къ себѣ манишь ,
 Къ шой жабы змѣи собрались ,
 И пъявки скользкія сползлись ,
 Стогами выюся , вкругъ ползущъ ,
 И лучъ луны шуманной пьютъ .

Все тихо , волнь лишь слышенъ плескъ ,
 Да старой липы скрытъ и трескъ ;
 Туманъ по полю , душень лѣсъ ,
 Всѣ звѣзды спали средь небесъ .
 И вошь костерь уже горишь ,
 И дѣва корни шравъ варишь ,

Всю косу въ пепель пережгла :
 Поднялся клубомъ паръ съ кошла ,
 Въ кошлѣ вся сила дивныхъ чаръ ,
 Ужь закипѣлъ волшебный взваръ ,
 И очарованной настой
 Смѣшался съ черною золой ;

Вся сила шравъ , съ золой волосъ ,
 Колдунѣ разомъ въ грудь влилось .
 Но мѣсяцъ на небѣ пошухъ ,
 Захлопавъ крыльями пѣшухъ
 Ужь крикнулъ , люди всшали , свѣтъ :
 Всѣ духи скрылись , сшраховъ нѣтъ .

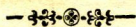
Но ужь бѣда , когда на зло
 Колдунья та придетъ въ село.
 То силою заклѣшыхъ словъ
 Всѣхъ выживаешъ изъ домовъ ,
 То змѣй какъ слугъ она сзовешъ ,
 То вихремъ кровли съ хашъ сорвешъ.

Ея ужасный , рѣзкій свистъ
 Съ дубовъ и липъ сбиваешъ листъ ;
 Взвиваясь тучей надъ селомъ ,
 Она въ трубу кидаетъ громъ ,
 Женешъ рѣку въ поля съ горы
 И раздуваешъ пожары.

То ссорить съ жонами мужей ,
 То съ матерью сведешъ дѣшей ,
 То на поде кидаетъ градъ ,
 То къ намъ въ колодцы высыплешъ ядъ ,
 И къ роднику прогнавъ волну ,
 Она съ небесъ сорвешъ дуну.

БАНДУРИСТЪ.

Бандуристъ молебень править ,
И акафисы поеть ,
Предъ иконою свѣчку спавишь :
Завтра въ Кіевъ онъ идеть.
Вошь по сшолновой дорогѣ
Пошянулся онъ , въ шревогѣ
Озираяся назадъ :
Тамъ бандура дорогая ,
Дочь и внучка молодая ,
Сшадо , поле , домъ и садъ.

И въ деревнѣ спало скучно ,
Что не слышно спарика ;
Не гремишь по струнамъ звучно
Приучёная рука.
Госпи-дѣ въ домъ его приходятъ ?
Игръ и цѣсень не заводяшь ,
Все скучаешь , все молчишь ,
И бандура мѣсяць цѣлой ,
Въ уголку , въ серианкѣ бѣлой ,
Подъ иконами стоишь.

Дѣло важное, свяшое
 На Украинѣ пѣвецъ!
 Запоешь-ли? Легче вдвое
 Для размученыхъ сердець;
 Опъ враговъ ли станеть больно?
 Старики идутъ неволью
 Слушашъ пѣснь о старинѣ;
 А козаки молодые
 Пѣсни слушають живыя
 Объ любви и объ войнѣ.

Праздникъ-ли? Толпа народу
 Соберется у шинка,
 Пьютъ вино и медъ какъ воду,
 Угощая старика.
 Юноши ему внимають,
 Дѣвы шарца обнимають,
 На морщины не глядяшъ;
 И забавами своими,
 Какъ душа пѣвца живыми,
 Бандуриста веселятъ.

Вошъ ужъ мѣсяць онъ проводитъ
 Въ Лавръ у свяшыхъ мощей,
 И съ шѣхъ поръ еще проходитъ
 День за днемъ — двѣнадцать дней.
 На тринадцатой, сказали,
 Чшо изъ Кіева, слыхали,

Бандуристъ пошелъ домой.
 Скоро, скоро будешь дома!
 Стала радостъ вѣсѣмъ знакома;
 Но — шринадцашъ щошъ плохой!

Вечерь, какъ село уснуло,
 И какъ спорожъ спалъ ходишь,
 Чшо-шо скобкою щелкнуло,
 И за дверью спало вышь.
 Вдругъ космаша, съ когтями,
 Съ чорными шесстью перстами,
 Въ дверь просунулась рука:
 Прочь съ бандуры покрывало,
 И чудесно заиграло,
 Вдвое лучше спарика!

Дверь шашалась и скрипѣла,
 Бѣгоння на чердакъ,
 Въ печкѣ вѣдьма засвисѣла,
 Чшо-шо пляшешъ въ сундукѣ;
 Пошолокъ раздвинувъ, въ щели
 Лицы спрашныя глядѣли,
 И явился домовой;
 Весь въ опушкѣ чернобурой,
 Долго онъ махалъ бандурой,
 И исчезъ поднявши вой!

По ушрѣ пришли съ молвою,
Что пѣвца ужъ нѣтъ давно:
Плыль спарикъ Днѣпромъ рѣкою
Въ бурю и пошелъ на дно. —
Горько все село рыдало!
То всѣхъ бѣдъ было начало:
Вдругъ приходящъ Москали
Дрались съ Шведомъ, кошъ побили,
Козаковъ закабалили,
Сѣбли хлѣбъ, село сожгли!

УДАВЛЕННИКЪ.

Былъ одинъ козакъ у насъ.
Я не знаю, что съ нимъ спалось :
Какъ пришелъ полночный часъ,
И какъ много показалось
Звѣздъ на небѣ голубомъ,
Въ огородѣ, за селомъ,
Взлѣзъ онъ на вербу сухую,
Развернулъ веревки пукъ,
Выбралъ самый толстый сукъ,
Пешлю завязалъ тройную.

Вотъ веревку прицѣпилъ
Онъ къ вербѣ шремя узлами,
Въ пешлю голову вложилъ,
Здѣлалъ крестъ двумя перстами,
И на землю разомъ — бухъ!
Хочешь крикнуть, — сперло духъ,
Голую козачью шею
Узелъ давишь, пешля прешь,
И распушашъ не даешь
Тѣло тяжестью своею.

Долго рвался онъ , хрипѣлъ ,
 Руки къ шеѣ подымались ,
 Какъ земля онъ почернѣлъ ,
 Ноги въ воздухъ болтались .
 Спишь село , глухая ночь :
 Козаку не лѣзя помочь ;
 Поле не кипитъ народомъ ,
 Не кричишь еще пѣтухъ ,
 Только сельскій нашъ пасухъ
 Видѣлъ чудо мимоходомъ .

Спряшавъ сѣрые хвосты ,
 Вѣдьмы прыгали клубками ,
 Какъ на шабашѣ кошы
 Замяукали шолпами ,
 Визгъ и поношъ раздались ,
 Домовые собрались ,
 Заспучали козы ноги ,
 Оборощень засвисалъ ,
 И удушенника спалъ
 Лѣшій подымашъ на роги .

Много вышло мертвецовъ ,
 Въ бѣлыхъ саванахъ плясали ,
 И привставши изъ гробовъ
 Всѣ скелеты хохотали .
 Тушь давай бѣжаши пасухъ !
 Мѣсяцъ на небѣ поухъ ,

Козака съ вербы спащили ,
 Безъ опшравы , безъ поповъ ,
 Безъ хоругвей и крестовъ
 Надъ дорогой схоронили.

На распушья , за селомъ
 Есть могила. Чудной силой ,
 Въ полночь , синимъ огонькомъ
 Чшо-то брежжеть надъ могилой.
 Тамъ удавленникъ зарышь :
 То душа его горить.
 Люди добрые ! пройдише
 Мимо бѣднаго его ,
 Киньше палку на него
 И молишву сотворите.

Годъ пройдетъ ошъ эшихъ поръ ,
 Мы придемъ къ нему шолпою ,
 Палки сложимъ мы въ костѣрь ,
 И зажжемъ страстной свѣчою , —
 И подымешся надъ нимъ
 Синій пламень , чорный дымъ ;
 Всѣ грѣхи шомъ пламень сниметь :
 Онъ ошъ муки разрѣшишь ,
 Милосердый Богъ просишь ,
 И на небо душу приметь.

СОЛНЦЕ УТОПЛЕННИКОВЪ.

Въ Каневъ Днѣпръ разливаясь, волнуясь,
Течеть по песку голубою струей;
Тамъ горы раздвинушы длинной грядою;
Гордымъ Днѣпромъ отраженный, рисуясь,
Высоко поставленъ блистающій храмъ,
И избы въ долину сбѣгають къ волнамъ.

Въ знойное лѣто намъ влага ошрадой.
Туда гдѣ сверкаешь струя на песокъ,
Выходяшь изъ города дѣвы къ рѣкѣ,
Волны маняшь ихъ рошпаньемъ, прохладой,
Ихъ грудь обнажился съ лебачей спиной,
Едва оспальное сокрыло волной.

День былъ однажды пылающій, знойный.
Угасъ онъ, и вышла въ шуманъ луна,
Корона изъ звѣздъ надъ луною видна. . . .
Днѣпръ, утомленный волной безпокойной,
Ужь спаль засыпашъ, и текучій кристаль
Все небо съ огнями въ себѣ отражалъ.

Пламеннымъ днемъ истомленные члены
Красавицы ночью пришли освѣжить.

Едва лишь успѣли одежду сложить, —

Днѣпръ разыгрался и брызгами пѣны,
Какъ будто въ восторгѣ опъ ихъ бѣлизны,
Играешь серебрянымъ ликомъ луны.

Волны подъ дѣвами съ блескомъ трепещущъ,
Ихъ локоны выюся, ихъ очи горящъ,
Съ кудрей разпусшившихся брызги лешащъ,

Руки раскинушы, ноги ихъ плещущъ,
Иль вславъ изъ воды, опъ колѣнь въ нагошъ,
Какъ будто не вѣряшъ своей красошъ.

Вдругъ въ глубинѣ какъ бы шопошъ раздался,
И Днѣпръ раскачавшись высоко возсаль;
За валомъ кахился запѣненный валъ,

Къ берегу быстро послѣднй примчался,
Разбился и легъ какъ окопъ городской,
И бросились на берегъ дѣвы шолпой.

Что-жъ имъ явилось? Спрашилищнымъ спроемъ,
Поднявшись по поясъ изъ шумныхъ валовъ,
Днѣпромъ поглощенныхъ шолпы мертвецовъ,

Къ нимъ принесенные съ плескомъ и воемъ,
Продрогнувъ опъ хлада въ рѣчной глубинѣ,
Выходяшъ погрѣшся на блѣдной лунѣ.

Небо и зелень намъ очи лелѣшь ;
 Живые, мы слышимъ ропшанье лѣсовъ ,
 Подъ листьями звонкую прель соловьѣвъ ;
 Мѣсяца лучъ насъ шуманный не грѣшь ,
 Мы воздухомъ дышемъ , и въ мірѣ земномъ
 Мы въ розовомъ свѣтѣ подъ солнцемъ живѣмъ .

Тамъ подъ ревушей , рѣчною волною ,
 Подъ пѣной , на днѣ , среди каменныхъ глыбъ ,
 Въ жилищѣ и пѣвицѣ и гадовъ и рыбъ ,
 Хладно , покрыто все пурпурной мглою ,
 И , будшо-бы къ солнцу , къ сіянію луны
 Уполенникъ жадно спѣшитъ изъ волны .

Страшно недвижныя очи глядѣли ,
 И руки и ноги окрѣпли въ волнахъ ,
 Клочками слипались волосы на главахъ ,
 Лицы наполнясь водою посинѣли ;
 Изъ устъ растворенныхъ , ушей и ноздрей
 Струи водяныя лились какъ ручей .

Съ воплемъ и ужасомъ дѣвы отшуда
 Въ дома побѣжали смященной толпой .
 Имъ видѣлся долго уполенныхъ спрой ;
 Вѣкъ не забыли столь дивнаго чуда ,
 И вѣкъ подъ сіяніемъ лунныхъ лучей
 Онѣ не купались въ прохладѣ ночей .

ВОРОНЫЕ КОНИ.

Шель козакъ въ края чужіе
Изъ родной земли,
Вошь коня ему младыя
Сестры подвели.
Машь, за печкой сѣдя, плачетъ,
Сестры съ горемъ смычуть лёнь,
А козакъ ужь сѣлъ и скачетъ,
Ужь далеко онъ.

Запыляясь кудри черны.
*Пыль сѣдую съ нихъ
Смоетъ дождь, разгешутъ тѣрны,
Вѣтръ обсушитъ ихъ.*
Тамъ гдѣ вихрь шумишь по волѣ,
На холодныхъ бурьянахъ,
Будешь спать онъ въ чистомъ полѣ
Камень въ головахъ.

Тихо, ночь. Вдругъ, съ воемъ, съ плескомъ,
Ломятся въ заборъ.
Глядь! . . . Ворошы наснежь съ трескомъ,
Коньми полонъ дворъ.

Воронье шабунами
 Разыгрались , ржанье , срукъ
 Пряжа , донцы со свѣчами ,
 Выпали изъ рукъ .

Въ страхѣ дѣвы молодая :
 « Въ полуночный часъ
 То не гosci дороге
 Посѣщаютъ насъ ! » —
 Длинной гривой вѣтеръ машетъ ,
 Кони скачутъ подѣ окно ,
 Съ свистомъ смыча лень , не пляшетъ
 Ужъ верешено .

Гдѣ-жъ козакъ ? Въ пущи ! Тоскою
 Вся душа горитъ .
 Вошь онъ ѣдетъ надѣ рѣкою
 И въ рѣку глядитъ .
 Онъ очей съ нею не сводитъ ;
 Вдругъ онъ видитъ : сквозь туманъ
 Изъ волны къ нему выходитъ
 Чорный Великанъ !

Вѣрный конь тушъ всполошился ,
 По шепамъ пустынь ,
 Какъ стрѣла , взвился , пусшился , —
 Великанъ за нимъ ,

Рысю , рысю — вошь ужь близко ,
 Вошь нагналъ онъ наконецъ ,
 И коню кладешъ онъ низко
 Руку на крестецъ.

Уши приложъ конь пышешъ ,
 Онъ лешимъ , лешимъ ,
 Фыркаешъ , хранишь и слышишь , —
 Великанъ бѣжишь.
 Такъ до ближняго селенья
 Вспоропленный конь скакаль ;
 Тушь не спало привидѣнья ,
 Конь какъ снопь упаль.

Онъ упаль и за собою
 Сѣдока увлѣкъ ,
 И подъ конскою спиною
 Захрипѣлъ ѣздокъ.
 Конь не добрымъ опрокинушь ,
 Зубы выскаля вздохнуль ,
 Мордой крутишь , уши стынущъ ,
 Ноги просянуль.

Вошь издохнешъ , вошь издохнешъ ,
 Вошь послѣдній стонъ.
 А козакъ ? Козакъ не охнешъ ,
 Поводъ шиснуль онъ . . .

Есть ему дворецъ чудесный:
Онъ безъ оконъ, безъ дверей,
Червяки въ палатѣ тѣсной
Вмѣсто спорожей.

ЧУМА ВЪ КІЕВѢ.

Въ Кіевѣ, ночью, въ бурсу приходишь
Кто-то такой;
Долго онъ шужить, долго онъ бродить
Съ шяжкой шоской.
Плащъ на немъ бѣлой, онъ головою
Въ бурстѣ высокой шрогаешь сводъ,
До полу кудри, длинной рукою
Хлѣба хошь кроху молишь народъ.

« Сшражду, кончаюсь! душу стѣснило,
На сердцѣ ядъ,
Кровь запеклася, грудь мнѣ сдавило,
Чувствую хладъ!
Тянешь! ношу я люшую муку;
Сжалъшесь! мнѣ въ кости голодъ проникъ;
Глянъше: сглодалъ я съ голода руку;
Судоргой жажда сводишь языкъ! »

Скрежешь, рыданье въ бурстѣ слыхали
Восемь недѣль;
Призраку люди хлѣбъ подавали
Въ двери сквозь щель.

Скудную пищу жадно хвашая ,
 Съ дикимъ весельемъ въ красныхъ очахъ ,
 Корчась , жеваль онъ ; хлѣбъ пожирая ,
 Зубы хрустѣли въ синихъ устахъ .

Юношамъ дерзкимъ стало досадно ,
 Слушая вой .
 Вотъ собралися , думаютъ : ладно !
 Вышли толпой ,
 Дверь отпираютъ въ бурсѣ со шукомъ ,
 Начали пищу шумно дѣлать , —
 Вдругъ привидѣнье , вызвано звукомъ ,
 Съ воплемъ выходитъ хлѣба просить .

Но , вмѣсто хлѣба , съ голосомъ брани
 Кто-то бичемъ :
 Кровь изъ огромной брызнула длани
 Чернымъ ключемъ .
 Тушь привидѣнье прочь отскочило ,
 Все задрожало въ залѣ подъ нимъ ,
 Топнуло прижды , злобно завывло ,
 Подняло руки , скрылось какъ дымъ .

Три дни по спогнамъ Кіевскимъ бродить
 Страшный призракъ ;
 Скрежежомъ , воплемъ ужасъ наводитъ
 Въ полночь и мракъ .

Гдѣ поспучишься, — къ ушпру отсправлень
 Съ дѣшми хозяинъ, въ домъ кадятъ ;
 Сполъ не съ обѣдомъ длинный поставлень :
 Тамъ съ мершвецами гробы стояшь !

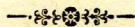
Скоро онъ всюду громко спучаться
 Началь въ дома :

Люди по спогнамъ злакомъ валяшся,
 Въ градѣ чума.

Грудами шрупы ! юноша, дѣва
 Падають мершвы на горы шѣль ;
 Въ ямы кидають ихъ безъ ошпѣва,
 Некому плакашь, градъ опустѣль !

П Ъ В Е Ц Ъ .

Кто стоя надъ бездной внималъ водопаду,
Прохладой дышалъ у паденья волны,
Тотъ въ сердце уносить и шумъ и прохладу:
Такъ помнимъ мы голосъ родной стороны.

Кто радугу видѣлъ двойной полосой,
Какъ дождь зашумишь изъ наполненныхъ тучъ,
Сіянье шотъ помнишь и зимней порою:
Такъ въ ухахъ сіяетъ свободы намъ лучъ.

Весна перелетная вѣя проглянешь;
Хошь снѣгомъ посыплетъ изъ облака вновь,
Но мысль о веснѣ отъ души не отстанетъ:
Такъ помнимъ мы первую нашу любовь.

Луна въ поднебесьи гуляешь съ звѣздами;
Задержишь ли тучей заспѣчивый ликъ,
Мы смотримъ: гдѣ туча сіяетъ краями?
Такъ взоръ красоты насъ навѣки проникъ.

Пѣвецъ вдохновенный назначень судьбою,
 Чшобъ голосомъ дивнымъ превожить мечшу,
 Чшобъ пѣшь и вѣнчать благородной рукою,
 Опчизну, свободу, любовь, красоту.

Но горе той дѣвѣ, что внемлетъ холодно:
 Та дѣва — безъ солнца сіяніе дня!
 Пусть сердцемъ насъ любитъ и скажетъ свободно:
 «Онъ сладко поешь и поешь для меня!» —

Всего провозимых товаров
всего товаров, в том числе
всего товаров, в том числе
всего товаров, в том числе

Всего товаров, в том числе
всего товаров, в том числе
всего товаров, в том числе
всего товаров, в том числе

Всего товаров, в том числе
всего товаров, в том числе
всего товаров, в том числе
всего товаров, в том числе

Всего товаров, в том числе
всего товаров, в том числе
всего товаров, в том числе
всего товаров, в том числе

Всего товаров, в том числе
всего товаров, в том числе
всего товаров, в том числе
всего товаров, в том числе

Всего товаров, в том числе